

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

НА ПОРОГЕ
БОЛЬШОЙ СЦЕНЫ

Школьные экзамены позади. Впереди серьезный шаг — выбор профессии. Кем быть? Кто-то считает, что его призвание — сцена. Немудрено, что в эти дни театральные училища осаждают абитуриенты. Их так много. А ведь большинство абитуриентов смутно представляют, что от них требуется... На сцене они видят актера обаятельным, эмоциональным, с отлично подготовленной, выстраданной ролью. Но вот к себе абитуриенты не всегда требовательны и самокритичны...

Все члены приемной комиссии настроены доброжелательно к абитуриентам. Порой поражаешься их терпению, им приходится часто выслушивать детский лепет, но они ищут таланты и находят. Скоро будут известны фамилии тех, кто победил в труднейшем конкурсе. Не поможет ли редакция заглянуть нам, читателям, в аудитории театрального вуза?

Н. СКОСЫРЕВА,
педагог.

ФРУНЗЕ.

В эти летние дни — погожие или не очень — горячо у подъездов творческих вузов. Приемные экзамены. Тысячи юных надежд, сотни досадных неудач, и только десятки восторгов — зигзаг удачи осчастливит не каждого.

Они будут актерами — эти юноши и девушки, еще не до конца осознавшие, что произошло в их судьбе, какими думами придется теперь утруждать свой разум, какая работа предстоит их молодому (как хорошо, если горячему!) сердцу. Вот сейчас они переступят порог старого особняка Театрального училища имени Щепкина уже на правах студентов. До очередной встречи с новым поколением щепкинцев у меня останется несколько минут...

...Вспоминаю, как тысячи зрителей искали совета в письмах к Вере Петровне Марецкой, до конца поверив ее сельской учительнице и члену правительства — Александре Соколовой. Думаю о современниках: Наталье Бесмертновой, Михаиле Ульянове, Кирилле Лаврове, Юрии Каюрове — замечательных мастерах культуры, депутатах Верховного и местных Советов. За каждым из них — авторитет советского искусства, всегда активно вмешивающегося в жизнь, зовущего, как говорил К. С. Станиславский, из вчера в завтра.

За недолгих четыре года — восемь учебных семестров — мы успеваем подготовить профессионала. Однако сколько еще предстоит сделать, чтобы научиться воспитывать подлинных деятелей культуры, ответственных за себя, свой театр, его будущее, за высокую идейно-воспитательную миссию советского художника.

Мысли, которыми я решаюсь поделиться, занимают меня не один год, даже не одно десятилетие. Я пришел в школу Малого театра с опытом войны, фронта, учебы в военно-воздушной академии. Но даже с этим опытом долго не поднимался над элементарным самовыражением на сцене. Лишь после нескольких лет практики в Малом театре Союза ССР задал, наконец, себе главный для каждого художника вопрос: «Во имя чего?» Обострились слух и взгляд на современность, на облик зрителей, их душевный запрос искусству. Воочию увидел, что такое горение творца — Вера Николаевна Пашенная шла на выход преображенная, заряженная могучей энергией высказывания, до сужих собеседников предупреждала: «Не подходите ко мне! Можно обжечься». Доля шуток, конечно, есть — небольшая, однако.

И размышляя об этой взрывной силе любимых народом «стариков» Малого театра, возвращаюсь к истории. К тем временам, когда Александр Павлович Ленский, озабоченный будущим Малого театра, создал свой новый театр, в котором, среди других замечательных актеров, выросла и В. Н. Рыжова. Новый театр — своего рода «коллектор» молодых кадров Малого — жил преемственностью лучших традиций «второго Московского университета», учился

гражданскому пафосу, поведению на сцене и в жизни у корифеев русской сцены. Будто свежая кровь влилась в организм Малого театра с приходом учеников Ленского в труппу «Дома Островского». А не так ли чуть позже было и с Московским художественным театром, обогатившим себя молодыми кадрами Первой, Второй, Третьей студий — знаменитым «вторым поколением»? Станиславский и Немирович-Данченко подхватили и приумножили мудрый педагогический почин Ленского.

...Практика театральных школ явственно свидетельствует о том, что они вовсе не однотипны в своей эстетике, не наделены общим выражением «лица». Вместе с тем в учебных планах театрального вуза такое «лица» неизбежно выражение не отражено. Особенности школы, точное фольклор, передаются от одного педагогического поколения другому, часто — не без существенных потерь, не без ошибочных редакций и ревизий. Если хотим сохранить своеобразие каждой школы (вахтанговской — в Театральном училище имени Щукина, Малого театра — в Театральном училище имени Щепкина и т. д.), не обойдется нам без создания особых учебных планов для каждой из них с сохранением, разумеется, того общего, единого, что составляют понятия «советская высшая школа» и «советский театр».

В прямой связи с этим вижу необходимость активно приблизить театральную школу к практике, к повседневным интересам наших театров. Мы опасно отдались друг от друга, наши отношения носят потребительский, в лучшем случае — покровительственный, но довольно случайный характер.

Печальное свидетельство тому — сложное распределение выпускников московских театральных вузов в нынешнем году. На дипломных спектаклях все мы — все четыре театральных вуза Москвы — почти не видели главных режиссеров. И странно: даже посмотрев дипломников в спектаклях, театры, по какой-то странно установившейся традиции, сплошь и рядом назначали показы специальных «отрывков» в своих фойе, ставя молодого специалиста в заведомо ложное положение, лишая его необходимой среды и атмосферы, подменяя творческий акт встречи со зрителем психологически напряженным актом «прослушивания».

А ведь есть у нас уже известный опыт разумного и успешного распределения молодых актеров, которые обогатили театральные труппы, стали настоящей поддержкой и надеждой театрального коллектива, наконец, группой его ведущих мастеров, с радостью принимающих на себя обязанности наставников новой смены. Этот опыт прежде всего связан с национальными студиями и национальными театрами. Мы сумели не только выпустить молодые кадры для братских советских республик, но и с самого начала, с первого года их обучения программировать их зна-

чение для театра, в который они входили с репертуаром, подготовленным еще в стенах театрального училища. Выпускали не отдельных актеров — актерский ансамбль. Так было с Немецким театром в Темиртау, Казахским — в Аркалыке, в Чувашском академическом, куда также с пятью спектаклями влились наши питомцы. Пришел из Чувашии трайлер, погрузили в него декорации, костюмы, реквизит спектаклей, созданных в стенах школы, да и перевезли в Чебоксары... Театральный десант. Только на годы.

Я убежден, что при желании мы вполне способны планировать пополнение трупп молодежи еще на стадии прослушивания абитуриентов. Только не надо подавать шифрованные заявки на замещение «трех женских (вообще!) и пяти мужских (вообще!) актерских единиц — надо подать серьезную, ясную творческую заявку с учетом уникальных данных специалиста, действительно способного заменить ведущего актера старшего поколения. Те театры, в которых нарастает проблема смены поколений, уже не станут дожидаться дипломных спектаклей и тем более не ограничатся формальными «прослушиваниями». Они будут следить за жизнью и учебной наших учеников, пожалуй, и сами включатся в их воспитание, приблизят их к себе, заинтересуют своими заботами, проблемами, творческими планами.

...Утверждаю, что актерского «перепроизводства» у нас в стране нет. Есть, к сожалению, безалаберное разбазаривание актерских кадров, впрочем, так же, как и режиссерских, театроведческих...

Очень тревожит меня и этот разрыв — разрозненность обучения и воспитания будущих актеров, режиссеров, театроведов, художников и инженеров-сценографов. В ГИТИСе сейчас достигнут определенный успех в совместном воспитании режиссеров и актеров. Театроведы по-прежнему варятся в соку собственных, подчас весьма далеких от знания живого театра умозаключений. Театрально — постановочный факультет и вовсе нет. Есть он в Школе-студии имени Немировича-Данченко при МХАТе СССР. Хороший факультет, выпустил немало первоклассных специалистов, доказал, как полезно учить будущих сценографов и работников постановочной части рядом с актерами. Но на том и остановились.

Как-то попытались вместе с В. Розовым привлечь молодых драматургов из числа лучших студентов Литературного института имени М. Горького к живому процессу обучения и воспитания актеров, полагая, что и будущему драматургу полезно расти от этюда к сцене, от сцены к пьесе, изнутри познавая театр и природу актерского творчества. Пока что эта затея не нашла поддержки... Но есть уверенность, больше того — абсолютная убежденность в том, что надо всерьез и не откладывая в долгий ящик озаботиться сближением учебных планов всех театральных профессий.

Сейчас приходится сплошь и рядом переделять молодых людей, неправильно ориентированных в искусстве, получивших не только поверхностное, но порой и не совсем верное эстетическое воспитание в средней школе. Винить тут некого; учитель не обязан быть специалистом во всех областях. Хотя как тут не вспомнить слова Юрия Владимировича Андропова, сказанные им на июньском Пленуме ЦК КПСС:

«...где, как не в школе, может человек получить начала эстетического воспитания, на всю жизнь приобрести чувство прекрасного, умение понимать и ценить произведения искусства, приобщаться к художественному творчеству?»

Мне представляется, что актера надо воспитывать еще в школьном возрасте, но в школах специальных. Вопрос о создании таких учебных заведений при театральных вузах давно назрел. Речевое развитие подростка, пластическая его культура, круг интересов, чтения, специальных дисциплин — все это неизмеримо полезнее внедрять в раннем возрасте, класса с четвертого. Есть в Москве такая школа — № 232. Мы взяли на себя ее факультатив в девятых и десятых классах. В театральных вузах знают: питомцы 232-й нередко радуют приемные комиссии актерского, режиссерского, театроведческого факультетов.

Нам надо всерьез задуматься над организацией таких школ, где преимущество общественных и специальных дисциплин гарантирует воспитание настоящего гражданина-художника, способного уже в девятом-десятом классе на уровне самовыражения создать роль в спектакле. Тогда высшая театральная школа будет выпускать кадры настоящих молодых мастеров, строителей театра будущего.

Известно, что А. С. Макаренко, как и В. А. Сухомлинский, как и другие выдающиеся педагоги, хорошо знавшие психологию детства и юности, всегда отдавали предпочтение воспитанию примером. Забота об активном участии молодежи в общественной жизни страны рассматривается нами прежде всего как призыв к действую каждого, кто так или иначе связан с педагогической деятельностью. Часто приходилось видеть, как волнует встречи с молодыми актерами — еще студентами — и выдающихся советских ученых, и строителей БАМа, и рабочих в заводских цехах.

Мы говорим нашим студентам о том, что каждому из них надо уходить подальше от «навыка» — поближе к природе творчества. Биография художника — прежде всего его творчество. Но все это осталось бы более достоянием педагога, чем ученика, не будь в учебных планах третьего трудового семестра ежегодных поездок на стройки Сибири, в Казахстан, районы Нечерноземья, Дальнего Востока, которые стали своеобразной творческой площадкой для педагогов и студентов нашего училища. То же — на встречах с армейской молодежью. Наши питомцы возвращаются в аудитории с ощущением своей причастности к свершениям времени и народа. Непридуманность героических характеров для них налицо. Но как важно, чтобы встреча с положительным героем эпохи состоялась еще раньше — в школьные годы! Вспоминаю слова Корчака: «Конечно, семья... А эпоха?»

Эпохе надо бы учить по-раньше — мы опаздываем.

В декабре 1984 года нашему старейшему в России театральному училищу исполняется 175 лет. Хочется встретить эту дату достойно — подводя итоги сделанному, практически подтверждая мысль, прозвучавшую в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на июньском Пленуме ЦК партии о том, что именно сейчас «...в огромной мере увеличивается ответственность деятелей искусства за то, чтобы находящееся в их руках мощное оружие служило делу народа, делу коммунизма».

Михаил НОВОХИЖИН,

заслуженный артист РСФСР,
профессор, ректор
Театрального училища
им. М. С. Щепкина.